

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ВИКТОР ТАНЧЕР,

*доктор философских наук, главный научный
сотрудник Института социологии НАН
Украины*

Современные социологические теории: проблемы определения и демаркации

При подготовке нового магистерского курса “Методологические дилеммы социологического познания” я не мог обойти вниманием такую интересную публикацию, как статья П.Штомпки “Формирование социологического воображения. Значение теории”¹. П.Штомпка — наряду с Дж.Александром, Дж.Тернером, Э.Гидденсом, Г.Деланти и некоторыми другими исследователями, — занимается изучением состояния и проблемами социологического теоретизирования, пытаюсь очертить его границы и определить предмет социологической теории. По моему мнению, эти проблемы актуальны и для украинских социологов, поскольку до сих пор неясно, где должны проходить разделительные линии между общей социологической теорией, специализированными социологическими теориями, обобщениями эмпирических социологических исследований, к какой области нашей дисциплины следует отнести те или иные результаты социологической работы, чему нужно обучать будущих социологов и т.п. Обсуждение затронутых Штомпкой вопросов представляется весьма полезным для совершенствования нашей социологической деятельности, реформирования — или приближения к мировым стандартам — социологического образования.

Тезис первый: усвоение основных положений, идей, концепций общей социологической теории, теоретико-методологических традиций и новейших подходов является теоретическим ресурсом, на котором основывается профессиональная подготовка исследователя социальной жизни. Однако эти знания должны быть увязаны с “конкретной практикой, взглядом на текущие проблемы, на окружающее общество, а также в связи с нашими личными биографиями и жизненными шансами” (с. 65). Таким образом, задача заключается в актуализации историко-теоретических разработок в процессе их преподавания, то есть проекции на нынешние процессы с

¹ Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социологические исследования. — 2005. — № 10. — С. 64–72.

постоянным иллюстрированием теоретических положений примерами из современной общественной реальности, “оживлением” картинками социальной жизни. Теоретические концепции должны стать орудием объяснения, настоящей картой для “ориентации в хаосе событий”. Они призваны обеспечить, по мере возможности, рациональное постижение социальной действительности и соответствующее поведение социальных акторов. Необходимо постоянно демонстрировать, что классические теоретические наработки в социологии неплохо “работают” в современных исследованиях, что рассмотрение их в своего рода диалоге с собственными обобщениями и идеями будет плодотворным. Другими словами, следует убедить студентов, слушателей курсов в том, что история социологических теорий и учений — это не архив устаревших знаний и отживших мудрствований, а неисчерпаемая сокровищница научного опыта и познавательного арсенала, который можно широко применять в наши дни.

С этим тезисом, пожалуй, никто не будет спорить, однако реализовать его на практике непросто. Проблема — “в кадрах”, в способности кафедр, учебных заведений обеспечить именно такое преподавание историко-социологических дисциплин. Относительно же констатации Штомпкой нынешнего “теоретического бума” не все так очевидно. По крайней мере в нашей стране о нем говорить не приходится. Хотя “институциональные и организационные факты” могут служить в пользу того, что социологические теории пользуются спросом и приобретают все большую силу, однако увеличение количества социологических исследовательских организаций, аналитических центров, кафедр и факультетов в вузах Украины вряд ли свидетельствует о повышении качества социологической науки и образования, скорее наоборот. Тонкий пласт настоящих специалистов по социологии “распыляется” по многочисленным учреждениям и заведениям. К тому же фундаментальные теоретические знания развиваются слишком медленно и неравномерно: успехи на отдельных участках на фоне доминирования “second hand” социологии в украинском пространстве. И это при том, что социальная действительность трансформирующегося, кризисного общества удивительно богата материалами для пионерских, новаторских обобщений, подходов, концептуализаций.

Главная причина, по моему убеждению, — недостаточное внимание к развитию фундаментальной науки, прежде всего в академической среде, недооценка “практичности” и неоспоримой ценности таких знаний, даже когда они непосредственно не связаны с решением общественных проблем, а также то, что “мониторинги” и “рейтинги” из средства, материала для теоретизирования приобретают самостоятельное качество как собственно “полезная социология” в отличие от “абстрактных размышлений” и т.п.

Тезис второй: деление социологической теории на особые типы.

Штомпка выделяет четыре типа теорий: объяснительные, эвристические, аналитические и экзегетические. Подобная типологизация вызывает ряд вопросов.

Наиболее общей, макроуровневой социологической теорией является эвристическая. Такого типа теории у нас принято относить к общетеоретической социологии. Она ближе всего к социальной философии, пытается отвечать на “вечные онтологические вопросы об устройении социальной реальности” и представлена в классических трудах основателей нашей науки. Здесь уместно говорить о разных традициях социологического теоретизирования, подходах и школах. Я бы отдал предпочтение термину “парадигма” (в интерпретации Т.Куна) — минимально жесткому и четкому, но достаточно гибкому и всеобъемлющему — в смысле общего способа видения мира, определяющего, чем и как заниматься социологу, какими должны быть теории социальной реальности. Главные парадигмы в социологии связаны с именами классиков: К.Маркса, Э.Дюркгейма, М.Вебера и неоклассиков. Итак, существуют парадигмы марксизма, структурного функционализма, символического интеракционизма, феноменологии и т.п.

Поскольку социология является мультипарадигмальной наукой, то все деления в этой дисциплине логично осуществлять именно по парадигмальной принадлежности, а не по специализации предмета, методам или общественным сферам. То есть заниматься не социологией экономики, политики, культуры и т.п., а структурно-функциональным (институциональным), конфликтологическим или феноменологическим анализом выбранных сфер, чтобы эти подходы дополняли и обогащали друг друга. Действительно, как справедливо отмечает Штомпка, у нас имеется “богатое и разнообразное меню эвристических ориентаций”, однако его крайне редко используют во всем его разнообразии (как правило, социолог обращается к одному усвоенному и отработанному подходу). Между тем дисциплинарное деление на подотрасли осуществляется не по парадигмальным разломам, а по предметным полям, сформировавшимся более ста лет назад, когда происходило становление новой науки. Такое положение дел отнюдь не способствует развитию социологических знаний.

И как бы там ни было, эвристические теории, или парадигмы для нашей дисциплины задают наиболее фундаментальные различия и одновременно служат опорами, над которыми возвышается вся конструкция социологии. Они являются определяющими, “стволообразующими”, по выражению Дж.Александера. Это то, что у нас называют общесоциологической теорией.

Нельзя не отметить, что в наше время наблюдается определенный теоретический “сдвиг” (сторонники постмодернизма говорят о “постмодерном повороте”) в социологическом теоретизировании. Суть его лучше всего выразил цитируемый П.Штомпкой Б.Тернер: “...современная социальная теория совершила поворот на 180 градусов, отдав предпочтение и приоритет культурным явлениям и культурным отношениям” (с. 69). Можно выделить три направления изменений — от фокусирования внимания на изучении сложившихся и стабильно функционирующих социальных систем к нечетким полям социальных сил, от характеристики этапов эволюционного развития к рассмотрению индетерминистского социального становления, “открытого будущего” — неопределенного и непредсказуемого, от акцентирования в объяснении социальных субъектов и процессов на функциях, ролях, структурной обусловленности (“гомо социологикус”) к обращению к интерпретирующей функции актора, который наделяет смыслом, делает выбор, продуцирует знания, символы и верования (“гомо когитанс”). Это парадигмальное изменение легко увидеть в трудах наиболее заметных современных теоретиков П.Бурдьё, Э.Гидденса, И.Валлерстайна, Ю.Хабермаса, С.Леша и многих других. Данная тенденция подрывает необоснованное на сегодня превалирование в отечественной социологии экономической и политической тематики.

Пожалуй, в ближайшее время следует ожидать появления новой синтетической теории, которая бы отражала такой “сдвиг” и стиль теоретизирования. Отдельные черты новой парадигмы, по моему мнению, можно проследить в концепциях и идеях теоретиков, которых относят к лагерю постмодернистов.

Вторым типом теорий в социологии, согласно Штомпке, являются объяснительные теории. Это теоретические обобщения, построенные на выводах эмпирических исследований; они воплощают признаки социологических специализаций и являются самым распространенным типом социологической концептуализации. У нас их обычно называют “отраслевыми социологиями”. На мой взгляд, это название не слишком удачно и страдает неточностью. Предметом социологического анализа становятся не только выбранные сферы (отрасли) общественной жизни, которые точнее следовало бы определять как институты, но и общественные процессы и взаимоотношения социальных актеров. Парсонсовское определение предмета социологического анализа в виде триады — социальных институтов, социальных отношений и социальной структуры — представляется более адекватным. В этом случае “отраслевые социологии” не покрывают всего поля интересов исследователей соци-

альной реальности. Использование понятия “объяснительные социологии” как охватывающие все сферы социального более приемлемо.

Вместе с тем исторически сложилось так, что развитие социологической науки происходило, причем неравномерно, именно по предметным полям, образовывавшимся вокруг определенных социальных проблем (социологии города, преступности, семьи, организации, досуга и т.п.; производственных, расовых, гендерных, межнациональных и других взаимодействий; изменений, конфликтов, социокультурных интеграций, общественных движений и т.п.). Проблемно-решающий принцип формирования исследовательских интересов стал определяющим в развитии социологической дисциплины, а значит, основным стимулом разработки этого типа теорий. Однако такие основы формирования социологических специализаций, по моему мнению, уже изжили себя.

Данный тип теорий, на мой взгляд, соответствует понятию “теории среднего уровня (ранга или радиуса действия)”. Р.Мертон ввел этот термин для определения теоретических построений, занимающих промежуточное место между общими (по Штомпке, эвристическими) теориями и эмпирическими исследованиями, ориентированными на конкретные проблемы. Собственно отраслевые социологии, в том понимании, которое применяют у нас, и являются теориями среднего уровня.

Вместе с тем современные проблемы общественного развития, ставшие наиболее неотложными в наши дни (и здесь трудно не согласиться со Штомпкой), такие как глобализация, этнокультурная идентичность, политические движения, демократия, гражданское общество, риски, культурные травмы и т.п., не могут быть предметом одной “отраслевой социологии”, хотя предполагают исследование сначала на “среднем уровне”. Эти проблемы слишком велики для социологической дисциплины как таковой, то есть являются междисциплинарными, а тем более не принадлежат к какой-либо “социологической отрасли”. Таким образом актуализируется внутридисциплинарная проблема, артикулированная в свое время Дж.Александром, Дж.Ритцером, Н.Смелзером и другими, то есть проблема интеграции социологических знаний. Иначе говоря, сочетание объяснительных и эвристических теорий на базе общего предмета анализа. На этой основе будут продуцироваться генерализующие объяснительные модели, чего и ждут от социологов.

Итак, два типа упомянутых выше теорий не вызывают возражений с известной оговоркой применительно к нашим традициям внутридисциплинарного деления. Правда, другие аналитики обозначают их как теории макро-, мезо- и микроуровневые и выдвигают задачу преодоления разрыва между ними, создания единой интегративной теории. Впрочем, в данном случае это не принципиально.

Третий тип теории, согласно Штомпке, — аналитический, что вызывает сомнения в целесообразности такого выделения.

Этот тип теоретической концептуализации я бы назвал теоретико-методологическим аспектом объяснительной теории, или теоретико-методологическим подходом. Ведь у Штомпки аналитическая теория отличается от объяснительной тем, что последняя вырастает из анализа социальных проблем, а первая — связана с социальными феноменами (социальными ролями, стратификацией, мобильностью, девиацией и т.п.). Граница между этими типами весьма условна, поскольку каждое явление можно представить в виде общественной проблемы, которую оно порождает. Но хотя аналитическая теория должна акцентировать внимание на инструментах познания, определениях, классификации, что подчеркивает польский социолог, то есть на так называемых методологических аспектах исследования, следует отметить, что в равной мере это свойственно и объяснительным теориям. Одним словом, различие между вторым и третьим типами теорий, на мой взгляд, заключается только в мере использования абстрактных, аналитических понятий. Конечно, в случае Парсонса или Лумана эта мера больше, а у социологов-отраслевиков — меньше, поскольку они нередко используют заимствованный инструментарий. И это вполне

естественное разделение труда в социологическом сообществе. По-моему, различие объяснительной и аналитической теорий искусственно и ничего не дает ни социологическому образованию, ни внутридисциплинарной специализации в социологической науке.

И наконец, четвертый тип — экзегетические теории, с которыми не все понятно.

Если речь идет, согласно Штомпке, о “систематизации, реконструкции, критике существующих теорий” (с. 70), то это полностью укладывается в “социологию социологии”, которая благодаря работам Ч.Миллза, А.Гоулднера, Н.Бирнбаума и других сторонников “критической теории” в социологии XX века получила статус отдельного направления в социологической теории, специфической парадигмы социального анализа, или же критической составляющей эвристических теорий. Подобные теоретизирования — неотъемлемый элемент формирования каждой весомой парадигмы. Ведь каждая из них начала утверждаться со второй половины XX века — с критики, развенчания, отрицания положений, например, структурного функционализма или какой-либо иной теории. Доказательство ее научной ценности строилось на поиске недостатков и слабостей других теоретических построений. Штомпка прав лишь в том, что заикливание на бесконечных рассечениях и анализе трудов модных авторов (с. 70) малопродуктивно, и экзегетические споры вокруг социологических дилемм выглядят нередко “интеллектуальными играми в секте посвященных” (с. 70). Но это тоже составляет необходимый элемент любого гуманитарного знания. Теоретико-методологический анализ направлен на себя самого, отдален от потребностей общественной практики, однако так называемое “кабинетное теоретизирование”, несмотря на это, является важной частью научной работы. Новые интерпретации известных теорий, всевозможные “нео-” и “пост-” — концепции как сугубо спекулятивное новаторство доказали свое право на жизнь в социологической науке.

Однако эти теории не следует выделять в самостоятельный тип. Они являются органической частью эвристического типа социологических теорий.

В итоге Штомпка приходит к выводу о том, что наиболее плодотворными и перспективными типами теорий для социологического анализа являются теории объяснительные и эвристические, а остальные два типа — вспомогательные. Так нужно ли вообще выделять четыре типа? Я считаю, что следует пользоваться тем трехуровневым дисциплинарным разделением, который сложился в нашем научном сообществе: общесоциологическая теория, специальные социологические теории, эмпирические социологические исследования, хотя использование синонимических названий — эвристическая и объяснительная теории — тоже вполне приемлемо. Другие определения и типологизации ничего не добавляют, а лишь вносят ненужную понятийную сумятицу.

Тезис третий: актуализация тенденции к междисциплинарным связям.

Очевидно, что в современных условиях традиционные дисциплинарные рамки стали слишком узкими. Обозначилась тенденция к преодолению теоретических и междисциплинарных границ, возвращению к интегральной “социальной теории”, в противовес узким “социологическим теориям”. Все более популярной становится идея И.Валлерстайна относительно “открытой социальной науки”, предполагающая связь, взаимодействие социологии со смежными дисциплинами, прежде всего с социальной философией, психологией, политическими науками и т.п. Идеологи постмодернизма также выдвигают задачу создания гибридных социальных наук, разрушения устаревших границ и классификаций. На этом фоне чуть ли не анахронизмом выглядят разделение и типологизация теорий в социологии по специализации или по уровню анализа.

Рассмотренные польским социологом проблемы и задачи совершенствования социологической науки возвращают нас к назревшим задачам реформирования социологического цеха ради достижения адекватности социологических институций современной социальной реальности.